

Х. Большая восточная игра

**Авантюристы
были в
меньшинстве**

Согласно традиции, сложившейся в начале XX века со времен гегемонии в России революционно-демократического общественного мнения, и продолженной в советское время, предпосылки русско-японской войны 1904–1905 гг. принято видеть в "экспансионистской колониальной политике царского режима", сочетавшейся с "корыстной заинтересованностью высших чиновников и членов императорской фамилии в грабительских концессиях в Корее"¹⁶¹. Факты, приводимые в доказательство подобного взгляда, практически без критического пересмотра переключались из политизированной коммунистической историографии в не менее искусственную историографию постсоветской России.

Так, доказательство "колониального характера" русской дальневосточной политики строится на тезисе о распространении русского влияния в северо-восточном Китае, на Ляодунском полуострове и в Корее. Однако чем, позвольте, "русское проникновение" в Маньчжурию отличалось от колонизации Уссурийского (Приморского) края, Сахалина или островов Курильского архипелага? Не тем ли, что в российский суверенитет над указанными территориями удалось конституировать межгосударственными договорами, а "маньчжурский проект" так и не был завершен? Если серьезно говорить о "колониальном характере" русской экспансии в Маньчжурии и Корее – значит, последовательно колониальными следует признать все приобретения страны начиная с проникновения в закамские земли купцов Строгановых, со времен Ермака и т.д. На самом деле, как нам было показано, энергичное территориальное расширение русского государства было единственным выходом, дающим решение основных экономических (на ранних стадиях –

¹⁶¹Нетрудно обнаружить, что прочно поселившееся в массовом сознании представление о том, что основной причиной прихода России в Маньчжурию и возникновения русско-японской войны были "корыстные интересы высших сановников" вроде пресловутой лесной концессии, восходит к пропагандистским усилиям революционной публицистики, в частности, к весьма ярким, но политически абсолютно ангажированным памфлетам Льва Троцкого [122]. Впрочем, после 1905 года подобные воззрения в значительной степени разделялись и российским истеблишментом, подсознательно стремившимся капсулировать фундаментальную неудачу в локальной "авантюре".

агроэкономических) проблем страны при условии сохранения традиционного стереотипа поведения и национальной самоидентичности народа. Новые земли не "колонизировались" в качестве сырьевых придатков к метрополии или рынков сбыта, а в силу абсолютной жизненной необходимости становились частью самой метрополии.

Вторым доводом сторонников вышеозначенной точки зрения является форсирование темы личных амбиций узкой "группы лиц", заинтересованных в "корейских богатствах". Но так ли это? Великое движение народов России на Восток началось за много веков до лесной концессии на корейской реке Ялу, и оно-то уж точно не могло быть инициировано корыстными интересами "кучки царедворцев". Скорее даже наоборот: периоды максимальной напряженности восточной экспансии соответствуют моментам относительного ослабления центральной власти, ее концентрации на решении задач совершенно иного рода. Так, поразительные дела Ермака и Ивана Кольцо пришлось на безвременье последних лет правления Иоанна Грозного; Нерчинский мир, ставший первой значительной вехой закрепления России на Дальнем Востоке, был заключен в "безвластные" годы регентства царевны Софьи; начало сооружения ставшего предтечей Транссиба Иркутского почтового тракта, равно как и старт Второй Камчатской экспедиции, были положены во времена Анны Иоанновны и Бирона, а утверждение России в устье Амура и в Приморье пришлось на годы максимального ослабления внешнеполитических амбиций русского правительства после Крымской войны – годы, в течение которых униженная Россия, по знаменитому высказыванию канцлера А.М.Горчакова, была вынуждена "сосредотачиваться". Стало быть, в основе восточной экспансии могли лежать какие угодно причины, но только не "амбиции" и "корыстные интересы" правящих кругов.

В предшествующих главах мы высказали и попытались обосновать мысль, согласно которой *движение русского народа на Восток в условиях позднефеодальной и раннекапиталистической общественных систем было практически единственной формой совершаемой этносом работы, в процессе которой формировались и поддерживались органичные и естественные акматические цели.* В меньшей степени это можно сказать про русскую экспансию на Кавказе, и совсем уж невозможно – применительно к попыткам "расширить пределы" в западном и балканском направлениях, бессмысленному участию России в европейских коалиционных войнах, изнуряющей борьбе за контроль над Польшей или

черноморскими проливами. Именно в новых сибирских владениях России, не знавших феодального рабства, уже с начала XVIII века стали формироваться полноценные капиталистические отношения, коренным образом преобразались деятельностные мотивации людей, здесь сложился особый субэтнос с отличным от остальной страны не только культурным, но и социально-деятельностным стереотипом. На смену воинственности, перемежающейся с приступами "обломовщины", приходило абсолютно сочетающееся со знаменитой протестантской "аскезой в труде", *Beruf*, религиозное "усердное труждение", а осознанными целями развития являлись не призрачные мифы, а потребности в ресурсах, рынках и коммуникациях. В силу этих обстоятельств восточные территории осваивались с высочайшей основательностью, здесь не сжигалась избыточная энергия, как в европейских походах или кавказском противостоянии. Соответственно был впечатляющим и результат: практически без войн и значительных людских потерь Россия ко второй половине XIX века прочно укрепилась на берегах Тихого океана, создав в южных лесных и лесостепных районах Сибири протяженный обжитой пояс, своеобразный рукотворный мост между Европой и Дальним Востоком.

Редкое совпадение: Тем не менее, несмотря на
интересы впечатляющие возможности и
бюрократии нераскрытые перспективы, приоритет в
тождественны развитии новых экономических
народной мечте отношений прочно отошел к
европейской части страны. Но именно
здесь, где, казалось бы, существовали все предпосылки для
успешного развития капитализма, общество оказалось куда менее
готовым к нему. Русская промышленная буржуазия, собирательный
образ которой наиболее полно выражался московской группой, была
достаточно инертна и чужда всякой "охоты к перемене мест".
Впрочем, ей доставало дел в неторопливом промышленном
обустройстве центрально-русских губерний, а сохраняющаяся
высокая степень ненасыщенности ее главного анклава –
текстильного рынка – до самого 1917 года позволяла не
задумываться о безупречности избранной позиции. Для консорции
иностранцев предпринимателей также хватало возможностей
деятельности в центральной России – благо, национальная
буржуазия со спокойным сердцем уступала ей целые сектора и
рынки, прежде всего связанные с высокотехнологичными и

капиталоемкими производствами. У объективно же наиболее подготовленного к новым реалиям жизни и бизнеса сибирского предпринимательского сообщества для развития восточных территорий хронически недоставало ресурсов, капитала, рабочих рук. Но главное – не было времени для полноценного участия в развернувшийся на рубеже веков всемирной гонке за последними "незанятыми" рынками и территориями. Бесценное историческое время, реальный отсчет которого здесь начался лишь после прихода Транссибирской магистрали, летело слишком стремительно для привыкшего к иному темпу жизни регионального сообщества.

В силу вышеуказанных причин, восточная политика России всецело оказалась в сфере интересов так называемой Санкт-Петербургской предпринимательской консорции, экономические запросы которой были теснейшим образом переплетены с интересами и политическими стратегиями столичной бюрократии. Казалось бы, именно здесь должна была лежать причина и головокружения от первых успехов, и последовавшего за ним жестокого наказания в войне с Японией. Однако не все так просто. Сколь бы ни были вторичны предпринимательские таланты и мотивации Санкт-Петербургской буржуазии, столичная бюрократия – при всех ее хорошо известных недостатках – весьма адекватно воспринимала потребности общества, умела улавливать настроения и чаяния его различных групп и проводить политику, в конечном итоге способствующую разрешению когда-то породивших ее проблем.

В Петербурге прекрасно понимали, сколь ограничены возможности России ее поздним вступлением на путь индустриального развития, сколь уязвима ее огромная территория со сказочными – даже в самом первом узнавании – богатствами, сколь безжалостной будет неизбежная мировая схватка за рынки и ресурсы. Имелось и вполне адекватное понимание "качества человеческого материала" собственной страны, в том числе и причин, по которым национальная буржуазия по многим позициям проигрывала иностранцам не только на внешних рынках, но и у себя дома... Отсюда становился очевиден и выход: создавать и развивать "новую Америку" именно на востоке, где имелось зрелое, лучше подготовленное к напряженному труду (*industria*) предпринимательское сословие, где практически не существовало социальных коллизий, периодически сотрясавших европейскую часть страны. Задача центральной власти при этом состояла лишь в создании для такого развития максимума условий. Именно поэтому

в кратчайшие сроки, под гарантии и непосредственно на средства государства был сооружен самый протяженный на планете Сибирский телеграф¹⁶² и положено начало строительству Транссибирской магистрали. Постепенно разворачивалось – предвеляя столыпинскую реформу – переселение на сибирские и дальневосточные земли крепких и самодостаточных крестьян. Оставалось немного: расширить до возможных пределов территорию с наиболее доступными на тот момент ресурсами, установить максимально возможный контроль над восточно-азиатскими рынками с их умопомрачительной плотностью населения и, по возможности, добиться обладания хотя бы одним полностью незамерзающим морским внешнеторговым портом.

Именно в этих вполне понятных, естественных и полностью оправданных стиле поведения "великих держав" на рубеже XIX–XX веков задачах и состояла сущность восточной политики Российской империи. Той самой, которая в своей успешной части дала стране левый берег и устье Амура и Приморский край, а в менее удачной – привела к утрате перспективы закрепления в Маньчжурии, потере для русского бизнеса рынков Кореи и северо-восточного Китая, страданиям и гибели сотен тысяч людей. Но как бы то ни было, дальневосточная экспансия России определялась не интересом "кликки авантюристов", а была тождественной национальному развитию, имеющему целью преодоление отставания страны как в части производительных сил, так и в реализации творческого потенциала общества.

Тезис о возможности обретения на Востоке не только новых капиталов, но и полноценной, органичной модели национального развития для политической элиты России конца XIX – начала XX века был куда более очевидным, нежели для нас, живущих столетие спустя. Понимание бесперспективности "догоняющего Европу" типа развития при необходимости делать ставку на "американскую модель" – масштабное внутреннее потребление, продуцируемое задачами обустройства при опоре на внутренние ресурсы, – до самого 1905 года было вполне твердым и ясным. Великий князь Александр Михайлович после посещения США в 1893 году запишет: "Трудности, стоявшие перед американским

¹⁶²В 1867 году линия Сибирского телеграфа из центральной России достигла городов Забайкалья (Читы, Нерчинска и Сретенска), в том же году была проложена линия Приморского телеграфа от Николаевска-на-Амуре через Хабаровск до гавани в заливе Петра Великого – центра будущего Владивостока. 26 ноября 1870 года Приморский и Сибирский телеграф были соединены в крупнейшую в мире трансконтинентальную телеграфную линию.

правительством, были не меньше наших, но наш актив был больше. Россия имела золото, медь, уголь, железо; ее почва... могла бы прокормить весь мир. Чего же не хватало России? Почему мы не могли следовать американскому примеру? Нам не было <бы> решительно никакого дела до Европы, и нам не было никакого основания подражать нациям, которые были вынуждены к тем или иным методам управления в силу своей бедности. Европа! Европа! – это вечное стремление идти в ногу с Европой задерживало наше национальное развитие Бог знает на сколько лет. Здесь, в расстоянии четырех тысяч миль от европейских петушиных боев, взору наблюдателя являлся живой пример возможностей страны в условиях, сходных с российскими... В голове моей созрел широчайший план американизации России” [123]. Не пройдет и десяти лет – и за активное содействие той самой “американизации России” через развитие производительных сил и рынков на ее восточных окраинах Великий князь будет заклеимен либеральной общественностью в качестве “идеолога лесной концессии в Корее” и “виновника войны с Японией”.

Цели восточной экспансии нашего государства были полностью органичны и народному акматическому идеалу. Для крестьянского сословия, численность которого по переписи 1897 года составляла 78,641,432 человек, или 84.1% от совокупного населения Российской империи, насчитывавшего 93,442,864 человек [124], пригодная для обработки и проживания *земля представлялась высшей, абсолютной из всех земных ценностей*, ради которой дозволено было идти на любые жертвы. Примечательно, что непонимание этого простого факта в недалеком будущем погубит Временное правительство: одной из стратегических ошибок российских либералов, получивших в феврале 1917 года верховную власть, будет попытка привлечь на свою сторону крестьянство гражданскими свободами – о которых, по их мнению, крестьяне-де грезили на протяжении веков. Однако большевики, предложив взамен малопонятной “свободы” *реальную землю*, сумеют феноменально быстро стяжать поддержку крестьянских масс и узурпировать власть.

Акматический идеал обретения земель для вольной, сытой и справедливой жизни далеко выходил за пределы крестьянского сословия и был поистине общенациональной мечтой. Его разделяли и городские рабоче-ремесленные низы, не успевшие еще порвать соединявшую их с деревней пуповину, и благородные слои, для которых он выступал своеобразным субстратом для собственных

акматических построений. Не крушением ли этого народного идеала объясняется то горькое разочарование, охватившее русское общество после неудач войны с Японией и приведшее к революционным событиям 1905–1907 гг.? Я далек от мысли утверждать, что каждый забастовщик или поджигатель помещичьей собственности сожалел о несостоявшихся “планах” своего переезда в Маньчжурию. Однако оставалась надежда, что где-то на Востоке, неведомым образом возникнет новая Россия, которая всем даст облегчение и перспективу. Поражение в войне за ту самую землю нанесет страшный удар по народной мечте о будущем, заставит смириться и жить в опостылевшей реальности. Оттого на фоне, казалось бы, растущей после кризиса 1900–1903 гг. русской экономики, отсутствия голода и иных катаклизмов практически вся страна возмутится и потребует каких угодно, только перемен.

В отечественной публицистике имеется упоминание об удивительном по меркам революционных событий 1905 года факте. Известно, что с середины осени вся Сибирская железная дорога оказалась охвачена стачкой, практически парализовавшей транспортное сообщение с восточными районами страны. Организованные отряды рабочих-железнодорожников твердо держали путевое хозяйство закрытым для всех воинских эшелонов, возвращавшихся с русско-японской войны, стремясь, таким образом, разжечь революционные настроения в войсках. Однако поезд, в котором возвращался из японского плена адмирал З.Рожественский, командовавший Второй тихоокеанской эскадрой, погибшей под Цусимой, пропускался по Великому сибирскому пути без задержек. Вот описание встречи, которую устроили адмиралу бастующие станционные рабочие и терпящие многомесячную задержку, вышедшие из повиновения командирам солдаты на станции Тулун 17 ноября 1905 года: *“В 2 ч. дня опять собралась около поезда толпа солдат и рабочих. Прислали депутатов просить, чтобы адмирал хоть в окне им показался. Он (несмотря на мороз -18°) вышел на площадку. Спрашивали его: правда ли, что из России не хотели посылать ему подкреплений? правда ли, что небогатовский отряд в бою вовсе не участвовал, а держался далеко сзади? Адмирал отвечал коротко и определенно. «Измены не было?» — выкрикнул вдруг чей-то пронзительный голос, и чувствовалось, что для всей толпы этот вопрос — самый мучительный. «Не было измены! Сила не взяла, да Бог счастья не дал!» — решительно отозвался адмирал и, поклонившись, пошел к себе. Вслед ему неслись сочувственные крики: «Дай Бог здоровья! Век прожить! Старик, а*

кровь проливал! Не то, что наши! У них иначе — сам в первую голову!» Поезд тронулся, сопровождаемый громовым «ура» [125]» . Простые русские люди, сохранившие память о своем крестьянском прошлом и готовые, при возможности, в него вернуться, несмотря на очевидное противодействие управлявших стачкой партийных агитаторов, видели в потерпевшем трагическое поражение адмирале не “царского сатрапа”, а борца за собственную вековую мечту.

Если крушение народной мечты станет прологом к массовым крестьянским волнениям, поджогам помещичьей собственности и самозахватам земель в 1905–1909 гг., то неудачная попытка реализовать на Дальнем Востоке “национальную экономическую модель” приведет к резкому ослаблению в предпринимательских кругах европейской части России интереса к реальному сектору экономики при чрезмерном разрастании ее спекулятивного сегмента. “Во время переписи населения Петербурга... в 1913 году, около 40,000 жителей обоего пола были зарегистрированы в качестве биржевых маклеров. Адвокаты, врачи, педагоги, журналисты и инженеры были недовольны своими профессиями. Казалось позором трудиться, чтобы зарабатывать копейки, когда открывалась полная возможность зарабатывать десятки тысяч рублей посредством покупки двухсот акций “Никополь-Мариупольского металлургического общества”. Офицеры гвардии... светские денди... <и> светские львицы... отцы церкви подписывались на акции... Провинция присоединилась к спекулятивной горячке столицы, и к осени 1913 года Россия, из страны праздных помещиков и недоедавших мужиков, превратилась в страну, готовую к прыжку, *минуя все экономические законы* <курсив автора>, в царство отечественного Уолл-стрита” [126]. Нетрудно вообразить, сколько абсолютно нереальных, обреченных на крах в результате неизбежного обрушения финансовой пирамиды ожиданий столичных предпринимательских элит и “интеллигенции” оказались после 1914 года пресеченными “самодержавием, развязавшим войну”, и сколь сильна отсюда была ненависть “образованных кругов” к власти, горячо приветствовавших ее падение в феврале 1917 года!

Позже мы обратимся к событиям русско-японской войны, ставшим кульминационной точкой дальневосточной экспансии нашей страны и поворотным пунктом последующих нестроений. Пока же перед Россией, только утвердившейся на Амуре и в Приморье, предстают грандиозные перспективы: огромные, неосвоенные и малонаселенные территории с плодородными

землями, богатыми ресурсами леса, угля, металлических руд, бокситов и т.д.¹⁶³, с емкими рынками, дешевыми речными и океанскими коммуникациями буквально сами ложатся к ногам.

Пробуждение Японии

К середине XIX века на Дальнем Востоке сложится ситуация, которую можно описать одной фразой: безвластие при богатствах, становящихся очевидными и общедоступными.

Поддерживавшаяся веками закрытость от “европейских варваров” абсолютно всех дальневосточных государств – Китая, Японии и Кореи, – в отсутствие у них адекватных оборонных возможностей начнет стремительно разрушаться.

Наиболее закрытой из стран этого обширного региона на протяжении многих веков оставалась Япония. Несмотря на богатую внутреннюю историю, изобиловавшую междуусобными войнами, кровавыми переворотами и религиозными расколами, а также за исключением пяти исторически документированных попыток завоевать лежавшую под боком богатую Корею¹⁶⁴, Япония была замкнутым и, казалось бы, самодостаточным государством. За два тысячелетия не было предпринято ни одной попытки проникнуть в “ничейный” Уссурийский край или закрепиться на Сахалине – берег которого в хорошую погоду хорошо виден с Хоккайдо, а также колонизировать Курильские острова. По-видимому, причиной подобной закрытости стало состоявшееся достижение японским обществом максимальной степени возможного в тех условиях обустройства и связанного с ним состояния динамического равновесия, когда “избыточные” силы тратятся не на парирование очередных вызовов, а на поддержание гомеостаза. Скорее всего, равновесность японского общества представляла собой результат состоявшейся философско-религиозной модели даосизма, в которой высшим (в нашей терминологии – акматическим) идеалом является гармония двух начал мироздания, Инь и Ян. Однако если природные, социальные и внутрорегиональные вызовы в рамках подобной модели худо-бедно удавалось нейтрализовывать, то вызов межцивилизационного общения, брошенный жаждущей развития и перемен “фаустовской” философией Запада, бесконечно долго сдерживать было нельзя.

¹⁶³Так, месторождения угля на Синийском щите (Внутренняя Монголия, маньчжурские провинции Фушунь и Шаньси) считаются одними из крупнейших в мире с запасами более 1 млрд. тонн.

¹⁶⁴В 346 г., 478 г., в 516–527 гг., в 562 г. и в 1592–1598 гг.

Добившись доступа на рынки Китая и Кореи, западные страны, прежде всего Англия и США, не могли мириться с сохраняющимся изоляционизмом Японии, допускавшей иностранцев единственно в порт Нагасаки, большая часть внешнеторгового оборота которого с 1609 года контролировалась голландцами¹⁶⁵. Однако после того, как под жерлами нацеленных на Иокогаму орудий девяти американских военных пароходов под командованием М.Перри в феврале 1854 года был подписан Канагавский договор, затем (в том же году) – договор с Англией, после чего в 1858 году была заключена целая серия торговых соглашений с США, Англией, Нидерландами, Россией и Францией, – оказалось, что вместо очередной полукolonии, полностью открытой для сбыта чужеземной мануфактуры и изделий промышленности, в азиатско-тихоокеанском регионе началось формирование нового и самостоятельного центра силы. Позднее мы вернемся к причинам, сделавшим возможным для Японии достаточно эффективно противостоять торговому и политическому доминированию своих западных партнеров, не уступив в существенном и сумев при этом взять от них самые современные технологии и вооружения. Однако для России первым результатом “открытия Японии” стало обострение уже сформировавшихся разногласий по поводу наших дальневосточных приобретений.

¹⁶⁵Своеобразным пиком японского изоляционизма стал 1636 год, когда с целью максимального ограничения контактов с ненавидимыми, но все же необходимыми для торговых интересов государства иностранцами недалеко от Нагасаки был возведен искусственный остров Дэдзима. Сюда и были перемещены все иностранные купцы, до этого свободно жившие в городе. В 1637 году на о.Кюсю произошло крестьянское восстание, вожди которого под влиянием португальских миссионеров приняли на вооружение христианские лозунги. Свою помощь в подавлении восстания предложили голландские купцы, за что в 1639 году получили право на заход в Дэдзиму двух (!) судов. Остальные иностранцы во главе с “провинившимися” португальцами были выдворены из страны. Наряду с двумя голландскими судами в год, в Дэдзиму допускались не более 30 торговых судов из соседнего Китая.

Представители других наций регулярно пытались проникнуть на Дэдзиму, всякий раз вынужденно представляясь голландскими подданными. В 1808 году в порт под голландским флагом ворвался британский корвет “Фаэтон”, после короткой стычки захватив в заложники двух голландцев с целью обмена их... на провиант и воду. Единственным не-голландским судном, открыто рискнувшим бросить якорь в порту Нагасаки в те годы, стал корабль “Надежда” с уполномоченным “Российско-американской компании” камергером Н.Резановым, прибывшим в 1804 году с посланием от Александра I к японскому императору.

**Русско-японские
отношения начались
с жестких
территориальных
споров**

Так уж сложилось в силу особенностей истории и географического устройства земного пространства, что первые же контакты России и Японии¹⁶⁶ оказались осложнены “территориальной проблемой”: активно разворачиваемая на Дальнем Востоке деятельность “Российско-американской компании” еще в 1790 году вызвала резкое недовольство в политических и военных кругах “Страны восходящего солнца”, приведшее в 1806–1807 гг. к вооруженным столкновениям на Сахалине [127]. В 1798 г. японские военные повергают на Итурупе установленные русскими моряками пограничные знаки-кресты, а с 1799 года создают на острове рыбацкое поселение и устраивают с ним регулярное морское сообщение. В 1811 году происходит беспрецедентная история: японский гарнизон на Кунашире захватывает в плен русского вице-адмирала В.М.Головнина, высадившегося с небольшой командой со шлюпа “Диана” для географического описания острова. С целью освобождения флотона начальника, весной 1812 года на Кунашир в качестве жеста доброй воли привозят и передают сопредельной стороне японских моряков, незадолго до этого потерпевших кораблекрушение у берегов Камчатки, – однако командир гарнизона объявляет, что “русский пленник умер”. Неожиданно экипажу “Дианы” удается захватить в плен оказавшегося в водах Кунашира богатого японского судовладельца Такатая Кахэя, хозяина недавно открытой морской линии с Итурупом. Кахэя доставляют в Петропавловск-Камчатский, обучают русскому языку, а следующей весной возвращают на Кунашир с взятым под честное слово обязательством добиваться освобождения вице-адмирала. Японский

¹⁶⁶Хронологически первым задокументированным русско-японским контактом стало “почетное пленение” знаменитым дальневосточным экспедиционером В.Атласовым потерпевшего кораблекрушение на Камчатке японского подданного по имени Дэмбэй – который в 1702 был препровожден в центральную Россию, где имел аудиенцию у Петра I и даже был зачислен в Посольский приказ для преподавания японского языка.

В 1782 году на принадлежавших России Алеутских островах потерпел кораблекрушение японский купец К.Дайкокуя. Мореплавателем также был отправлен в столицу, где получил аудиенцию у Екатерины II. Стремясь к налаживанию отношений с Японией, императрица в 1792 году послала в Японию миссию под началом А.Лаксмана. Единственным успешным результатом этой миссии стал возврат на родину Дайкокуя; иметь торговые и дипломатические сношения с Россией японское правительство наотрез отказалось.

предприниматель сдержит свое обещание, и уже осенью 1813 года Головнин с группой русских моряков вернется из плена.

Несмотря на безусловно корректное и дружелюбное отношение России к своему новому восточному соседу, на протяжении многих десятилетий Япония будет уклоняться от любых возможностей вступить с нашей страной в диалог и прийти к согласию по вопросам территориального устройства. Лишь в 1855 прибывшему в кильватере американских канонерок¹⁶⁷ посольству под руководством вице-адмирала Е.Путятина удастся заключить первый русско-японский “Трактат о торговле и границах”, помимо взаимного признания открывший для свободного посещения российскими подданными порты Симода, Хакодате и Нагасаки с режимом экстерриториальности пребывания¹⁶⁸ и гарантировавший русским подданным “все права и преимущества, какие Япония предоставила ныне или даст впоследствии другим нациям” [128]. Симодский трактат фиксировал нерешенность проблемы принадлежности Сахалина и устанавливал границу между владениями двух стран между островами Курильской гряды Итуруп и Уруп. Таким образом, по Симодскому трактату Южные Курилы отходили к Японии.

Курильский архипелаг – от южного Кунашира до северного Шумшу – еще в 1721 году был исследован экспедицией И.Евреина и Ф.Лужина и включен в официальные карты Российской империи. В 1739 и 1741 его картографированием и дополнительными описаниями занимается русская экспедиция М.Шпанберга¹⁶⁹.

¹⁶⁷Прибыв в Нагасаки в 1853 году, то есть годом раньше М.Перри, Е.Путятин не смог добиться от японской стороны никаких конструктивных результатов. Покинув Японию, он вскоре узнает о заключении договора с американской стороной. Русский дипломат немедленно вернулся в Нагасаки и в декабре 1854 года добился возобновления переговоров.

¹⁶⁸Согласно Симодскому трактату (равно как аналогичным ему договорам японского правительства с США, Англией и другими странами), за совершенные на территории Японии преступления гости должны были отвечать по законодательству не страны пребывания, а собственных юрисдикций.

¹⁶⁹Справедливости ради отметим, что географический приоритет открытия Курил принадлежит не России. По одним данным, подданный Голландии Мартин Герец де Фриз в 1643 году прошел мимо Кунашира и Итурупа и предпринял высадку на остров Уруп. Согласно японским источникам, в 1635 году самурай из княжества Мацумаэ Х.Мураками провел исследование острова Эдзо и впервые картографировал острова Кунашир и Итуруп. Считается, что самая ранняя из карт, на которую нанесены острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, находится в Японии (карта периода Сёхо).

Завершим тему о принадлежности и поныне спорных Южных Курил простым доводом: если Япония, тысячелетия не обращавшая внимания на лежавшие практически под ее боком острова, обозначила на них свое присутствие практически одновременно с пришедшими туда за тысячи верст и миль русскими землепроходцами и голландским капитаном, то о каком приоритете обладания может идти речь?

Несмотря на относительную изученность, хозяйственное освоение Курил оставалось минимальным и сводилось, в основном, к устройству на Урупке пушных факторий “Русско-американской компании” – которые к середине 30-х годов XIX века, из-за исчерпанности популяции бобра, практически обезлюдели. О стратегической важности этих малопригодных для жизни островов в части обеспечения тихоокеанских коммуникаций для России, еще не закрепившейся в устье Амура, в 1855 году было слишком рано говорить, равно как нельзя было говорить и о возможности вооруженной защиты этих территорий¹⁷⁰. В подобных условиях мирная уступка Южных Курил Японии, причем в далеко не блестящую для России пору – в годы Крымской войны, – была лучшим из возможных решений, тем более что японская сторона, не вполне охотно согласившись на переговоры, имела все основания настаивать на более выгодных для себя условиях¹⁷¹. Не случайно поэтому по возвращении в Санкт-Петербург глава дипломатической миссии вице-адмирал Путятин был возведен в графское достоинство, а столетие спустя, начиная с 1981 года, в память о заключении Симодского трактата, признавшего японский

¹⁷⁰Необходимо отдать должное Е.Путятину: в протокол переговоров удалось включить согласие японской стороны с доводами русской делегации, сумевшей доказать приоритет России в открытии и освоении Южных Курил.

¹⁷¹Почти детективная история заключения Симодского трактата со всей полнотой показывает, насколько зыбким в середине XIX века было еще российское закрепление на Дальнем Востоке, в сколь значительной степени успех зависел “от фортуны” и личных усилий военачальников и дипломатов. В конце 1854 года Крымская война перешла в неудачную для России фазу. Были проиграны сражения на Альме, под Балаклавой и на Инкерманских высотах, с 13 сентября 1854 года неприятель осаждал Севастополь. К счастью, японские дипломаты, получавшие информацию о “европейских делах” с задержкой на 3–4 месяца (продолжительность рейса “чайного клипера” из Лондона на Дальний Восток), к началу 1855 года не располагали сведениями ни о русских неудачах в “Восточной кампании”, ни о сильнейшем ослаблении экономической силы и обороноспособности России. Напротив, они были полностью в курсе успешного отражения в августе 1854 года англо-французского десанта в Петропавловске-Камчатском и, скорее всего, располагали информацией о великолепной победе русского флота под Синопом (ноябрь 1853 г.) и успешной летней 1854 года кампании на Кавказе. Сочетание этих благоприятных для России информационных моментов с отсутствием межконтинентального телеграфного сообщения с Японией предопределило уступчивость японской стороны – после почти двух лет бесплодных переговоров, всего за полтора месяца Россия получила принципиально важный и безусловно выгодный для себя договор.

Телеграфная связь Европы с Японией и Китаем была установлена лишь в 1872 году и первоначально осуществлялась через принадлежавшую России Сибирскую телеграфную линию. Кстати, в течение долгого времени наша страна обладала мировой монополией на межконтинентальную проводную связь, по ее территории (от Варшавы до Одессы) также проходил канал стратегически важного для Британской империи Индо-Европейского телеграфа (1870 г.).

суверенитет над южной группой Курильских островов, в Японии 7 февраля официально отмечается “День северных территорий”.

Мир без дружбы

Некоторое время спустя, в 1862 году, в Санкт-Петербург прибыла японская дипломатическая миссия, попытавшаяся добиться от России размежевания на Сахалине по 51-й параллели. К тому времени Россия, уже прочно укрепившись в низовьях Амура, осознанно желает видеть близлежащий Сахалин собственным форпостом и решительно отказывается уступать. У Японии нет сил настаивать на своем – в 1863 году страна подвергается публичному унижению, когда в отместку за убийство английского торговца Ч.Ричардсона семь британских фрегатов бомбардируют Кагосиму, а в 1864 году объединенный флот Англии, США, Франции и Голландии обстреливает Симоносеки. В стране усиливаются межфеодальные распри, начинается гражданская война. В 1868 году происходит реставрация императорской власти и провозглашается “эпоха Мэйдзи”¹⁷². С тем чтобы успешнее противостоять усиливающемуся военно-политическому давлению западных держав, Япония приступает к глубоким и широкомасштабным реформам, идеологически облакавшимся в форму возврата к традиционным ценностям и правопорядку. Было восстановлено централизованное управление государством, введены европейский григорианский календарь и свобода вероисповедания, началась ускоренная модернизация во всех сферах жизни. Страна сразу же пытается поправить мускулы против заведомо не превосходящих ее в силе противников: в 1872 году аннексирует находившиеся в вассальной зависимости от Китая Ликейские острова (Окинаву). Необходимость на этом фоне урегулирования территориальных проблем с Россией заставляет императора Муцухито отправить новое посольство, которое, заручившись поддержкой США, сумело склонить канцлера А.М.Горчакова к подписанию Петербургского трактата от 25 апреля 1875 года. Согласно этому документу, весь Сахалин переходил “во владение императора Российского”, взамен японской стороне передавалась находившаяся под российским суверенитетом северная часть Курильских островов, от Урупа до Шумшу. Новая морская граница с Японией проходила теперь вблизи камчатского мыса Лопатка, что, как совершенно очевидно с позиций сегодняшнего дня, лишало Россию свободного выхода в открытую

¹⁷²“Светлое правление”.

часть Тихого океана. Хотя не будем забывать, стратегическое мышление в XIX веке было иным: в эпоху тихоходных малочисленных флотов и отсутствия средств дальнего обнаружения, проход в океан через Курильские проливы суммарной шириной 500 километров не представлял большой проблемы. Во время русско-японской войны крейсера владивостокского отряда умудрялись беспрепятственно выходить в Тихий океан даже через считающийся внутренними водами Японии узкий Сангарский пролив между островами Хонсю и Хоккайдо.

Несмотря на кропотливое и уважительное выстраивание межгосударственных отношений с Японией, несмотря на открывшиеся дипломатический диалог и торговлю, в “Стране восходящего солнца” в XIX веке не было более нелюбимого, если не сказать ненавидимого, соперника, чем Россия. Возможно, большая часть веками пестовавшихся в японском обществе ксенофобии и страха перед “иностранными варварами” в силу территориальной близости и наличия спорных территорий канализировались именно по отношению к северному соседу. Уступка России острова Сахалин, богатого лесом, углем, рыбой и “сельдяным туком” – природным органическим удобрением, крайне необходимым для истощенных тысячелетней агрокультурой японских полей, – взамен “каменистой островной гряды” буквально взорвет японское общество. Как писал известный в начале XX века военный беллетрист В.А.Апушкин, “и хотя Россия не участвовала ни в одной из военных демонстраций, имевших целью открыть свободный доступ в Японию иноземцам и устроенных в 1854 г. американцами, а в 1864 году — англичанами, французами и голландцами; – хотя она ни разу не пыталась воздействовать на Корею в пользу христиан посылкой своей эскадры, как это сделали в 1856 году французы, а в 1871 г. – американцы; – хотя, наконец, она все свои дела с Китаем вела также совершенно мирным путем, не следуя примеру англичан, бомбардировавших в 1856 г. форты к югу от Кан-Тона и повторивших на другой год эту военную демонстрацию вместе с французским флотом, – тем не менее именно Россия казалась Японии опаснейшим её врагом, и каждое её мероприятие рассматривалось как угроза независимости и развитию Японии.” [129]. Следует отдать должное официальным японским властям: несмотря на подпиравшую “снизу” искреннюю массовую ненависть к “бесцеремонному северному соседу”¹⁷³, им удавалось

¹⁷³О степени ненависти – именно ожесточенной ненависти японцев к России в ту эпоху – красноречиво свидетельствует такой факт: когда в 1904 году, во время русско-

поддерживать во взаимоотношениях с Россией уважительность и корректность. Так, на высшем уровне в ноябре 1872 года был принят русский фрегат “Светлана” с Великим князем Алексеем Александровичем на борту, а весной 1891 года еще более впечатляющий прием был оказан прибывшему на борту “Памяти Азова” будущему российскому императору Николаю Александровичу. Несмотря на по-настоящему поразившее русских гостей гостеприимство японцев, визит цесаревича был омрачен едва не стоившим ему жизни нападением фанатически настроенного самурая, сумевшего нанести цесаревичу два скользящих сабельных удара по голове. Правда, в последующие дни пребывания на японской земле будущий российский император станет адресатом тысяч абсолютно искренних и трогательных выражений сочувствия и извинения со стороны сотен именитых и простых японцев. Но это окажется не более чем эмоциональным порывом, вызванным вопиющим нарушением традиций гостеприимства. Для страны с 38-миллионным населением, отчаянно нуждавшейся в ресурсах и новых территориях для своего развития, данный порыв дружелюбия и сострадания не стал определяющим. С тех пор в душе японского народа уживаются как искренняя любовь к русской культуре, в особенности к поэзии и музыке, так и холодно-рассудочная неприязнь к “хитрому, сильному и коварному” соседу с севера.

Победа Японии в войне с Китаем: триумф с последующим унижением

Россия, несмотря на немаскируемую недружественность японской политики, стремилась сполна проявлять уважительное отношение к Японии и ее интересам на Дальнем Востоке – прежде всего, долгое время не препятствуя и не вмешиваясь каким-либо образом в японскую экспансию на корейском полуострове. В начале 1894 года в Корею – веками считавшейся сферой интересов Китая, – вспыхнуло очередное крестьянское восстание. Воспользовавшись им как предлогом для “защиты поданных”, Япония вслед за Китаем ввела на полуостров свои армейские части, выводить которые затем отказалась. Поскольку на протяжении столетий императорский Китай являлся

японской войны владивостокский крейсер “Громобой” задержал транспортное судно “Идзума Мару”, перевозившее несколько тысяч японских солдат, и последним было предложено в течение часа эвакуироваться на шлюпках, то ни один из японских военнослужащих не согласился сохранить себе жизнь милостью противника. Отчаянно и бессмысленно стреляя в русский крейсер из винтовок, все они погибли после торпедного залпа.

сюзереном корейского монарха, реакция Пекина на японское военное присутствие не могла не оказаться болезненной и резкой. Первоначально Китай попытался законным путем – через волю корейского монарха, – пресечь наращивание японского военного присутствия. Однако 23 июля японские войска – опять же под предлогом “защиты семьи корейского монарха от заговора” – взяли под свой контроль королевский дворец в Сеуле, а 25 числа японский флот атаковал китайские военные суда и транспорты, перевозившие в Корею дополнительные воинские части. Окончательно завладев инициативой, 1 августа 1894 года Япония официально объявила Китаю войну. Располагая господством на море, перекрыв линии снабжения китайского контингента в Корее и одержав верх в сражении под Пхеньяном 15 сентября, японские войска начали энергично продвигаться в южную Маньчжурию, тесня инертные и малоактивные китайские части. В январе 1895 года японское командование предприняло решительный и весьма рискованный шаг, практически без конвоя переправив в район Вэйхайвэя – порта базирования практически всего китайского флота – более 18 тысяч войск. Китайский форпост, окруженный с суши и моря, 11 февраля капитулировал, открыв дорогу на Пекин. После ряда успешных операций японцев в Маньчжурии и потери Пескадорских островов Китай запросил мира. Мирный договор был подписан 17 марта 1895 года в Симоносеки; согласно ему, Китай признал независимость Кореи, а Япония получила Тайвань, Пескадорские острова и Ляодунский полуостров.

В ходе этой войны Россия сохраняла дипломатический нейтралитет. Более того, общественное мнение склонялось к поддержке факта обретения Кореей независимости, то есть в существенной степени было “прояпонским”. Дело в том, что японская война за Корею очень напоминала Балканскую кампанию 1877–1878 гг., в ходе которой Россия, используя схожие предлоги, смогла разгромить Османскую империю, добиться автономии Болгарии, независимости Сербии, Черногории и Румынии, вернуть себе потерянные в результате Крымской войны земли в Бессарабии и приобрести новые территории в Закавказье, Батум и Баязет. Как известно, тот триумф России обернулся резким недовольством в европейских столицах, приведшим к созыву Берлинского конгресса, на котором под нажимом Англии, Франции, Германии и Австро-Венгрии Россия была вынуждена согласиться на уступки: раздел Болгарии на два княжества и возврат Турции Баязета.

Нечто похожее произойдет 17 лет спустя с Японией. Только теперь роль “усмирителя appetitov” примет на себя Россия, впервые вступив с Японией в содержательную конфронтацию. Не ожидая от молодого государства, еще недавно считавшегося едва ли не очередным кандидатом на колонизацию, столь блестящих и впечатляющих побед в регионе, который европейские державы давно полагали сферой своих интересов, и твердо желая ограничить на Дальнем Востоке со слабым и податливым Китаем, Санкт-Петербург в диалоге с Японией меняет тон и в ноте от 11 апреля, поддержанной Францией и Германией, выдвинет Токио требование отказаться от обладания Ляодунским полуостровом. Дипломатический демарш, подкрепленный реальной демонстрацией силы (Франция и Германия направили в Тихий океан дополнительные военно-морские соединения, а Россия провела мобилизацию в Приамурском военном округе), вынудили Японию пойти на существенную уступку – вернуть Китаю Ляодунский полуостров, на южной оконечности которого, в удобной бухте незамерзающего Желтого моря, расположен Порт-Артур¹⁷⁴.

Япония сосредотачивается

В этой связи нельзя не отметить феноменальную сдержанность Японии: буквально месяц спустя после неожиданного русского демарша, исключительно болезненно воспринятого в Токио, 27 мая 1895 года в российской столице послом Японии Нисси, министром иностранных дел А.Лобановым-Ростовским и министром финансов С.Витте подписывается новый русско-японский Трактат о торговле и мореплавании, имеющий статус современного договора “о дружбе и сотрудничестве” и устанавливавший для сторон режим наибольшего благоприятствования в торговых отношениях. В отличие от предыдущих соглашений, этот договор практически ничего не давал России, не сформировавшей в Японии существенных торговых интересов, однако был политически важен для японской стороны, еще не выработавшей твердой линии во взаимоотношениях с великими державами и, в преддверии постепенно вызревающих глобальных экспансионистских замыслов, нуждающейся в равных отношениях с партнерами. Создавалось

¹⁷⁴Пересмотр условий Симонсекского договора был официально закреплен в Ляодунской конвенции от 27 октября 1895 г.

впечатление, что японское внешнеполитическое ведомство рутинно обновляет договоренности с Россией строго через каждые 20 лет¹⁷⁵.

Хотя не исключено, что в отличие от русских и европейцев японская сторона относилась к межгосударственным договоренностям с гораздо меньшим пиететом, не требуя от своих партнеров выдерживать приличествующие паузы после дружественных дипломатических актов и не стремясь к этому сама. Действия Японии в тот период отличались высочайшей степенью прагматизма, что показал инцидент 25 июля 1894 года, в свое время получивший широкую огласку. В тот день, спустя всего лишь 9 суток (!) после подписания с Англией межгосударственного договора о торговле и мореплавании, японский броненосный крейсер “Нанива” атаковал и отправил ко дну английское гражданское судно “Гаошен” с европейским экипажем, которое в условиях мирного времени (война с Китаем будет официально объявлена лишь 1 августа) абсолютно законно перевозило в Корею 1200 китайских военнослужащих¹⁷⁶.

Тем не менее, как показали последующие события, именно отношения с Британской империей во многом стали определять и корректировать внешнеполитические действия и планы Японии. Из пяти “белых” держав, участвовавших в экономическом освоении Дальнего Востока, имевших там территориальные интересы и военное присутствие – России, США, Англии, Франции и Германии, – именно Великобритания стала для “Страны восходящего солнца” союзником №1. Удивительно, что ближайшим союзником Японии, не скрывавшей своих экспансионистских планов, стала страна, из всех европейских держав сумевшая в значительно большей степени закрепиться в наиболее богатых и стратегически важных районах Дальневосточного региона, имея там наибольшее количество военных побед и силовых демонстраций, включая обстрел Кагосимы в 1863 году. Кроме того, со времени окончания Второй опиумной войны Англия впечатляюще и бесспорно доминировала в Китае¹⁷⁷,

¹⁷⁵Симодский трактат был заключен 7 февраля 1857 года, Петербургский трактат – 7 мая 1875 года, последний Петербургский трактат о торговле и мореплавании – 8 июня 1895 года (даты приводятся по новому стилю).

¹⁷⁶В то же время решение потопить английский транспорт командир “Нанивы”, будущий адмирал Того, принял после того, как его европейский экипаж был взят китайскими военными в заложники и фактически утратил контроль над судном.

¹⁷⁷В последней трети XIX века под английским контролем находились морские таможни Китая (в ту эпоху право контроля над таможнями являлось одной из форм гарантий по межгосударственным кредитам), а с 1864 года денежное обращение в Китае осуществлял Гонконгско-Шанхайский банк, контроль за которым также принадлежал английскому капиталу. Англичане контролировали большую часть

уже нанесенном на карты будущей японской экспансии. Объяснить данный феномен можно либо эффективностью английской дипломатии, традиционно славившейся умением направлять удар своих объективных противников в сторону третьей стороны, либо принципиальной готовностью Японии вести дело к разделу сфер влияния в регионе между "сильнейшими" – за счет вытеснения все тех же "третьих партий".

Как мы уже видели, союзнические отношения с Россией для Японии в тот период абсолютно исключались. Причины тому не были связаны ни с Сахалином, ни даже с будущим конфликтом интересов в Корее и Китае. Какими бы трогательными и искренними ни казались протокольные уверения во взаимной дружбе, стремительно утверждавшаяся на Дальнем Востоке Россия оставалась для японского народа непонятным и страшным соседом, способным – чего греха таить – подмять под себя и их компактную островную страну. И пусть никто и никогда в Санкт-Петербурге не помышлял о завоевании страны с населением в 38 млн. человек, на натурализацию которого у русского народа попросту не хватило бы сил (достаточно было опыта Польши и Финляндии!), в Японии, еще совсем недавно покорившейся десятивымпельной американской эскадре паровых вооруженных пароходов, не могли не испытывать страха перед крупнейшей державой мира, на тот исторический момент сумевшей закрыть военными и дипломатическими победами практически все ранее имевшие место неудачи.

Спустя несколько десятилетий, когда после русско-японской войны и революции Россия перестанет представлять опасность для Японии и будет рассматриваться ее правящими кругами скорее как очередная, пусть и не самая легкая, добыча в континентальной экспансии, – противником №1 станут Соединенные Штаты. Однако на рубеже XIX и XX веков, во многом в силу более прочного, чем у остальных держав, политического влияния на высшее японское

внешнеторгового оборота Китая и доходов от него; по сути, единственным финансовым источником и последней основой суверенитета, имевшимся в распоряжении правящей династии Цин, оставалась внутриконтинентальная торговля.

Национальный контроль над таможенной службой китайское правительство смогло вернуть лишь в 1906 году.

До появления на побережье Желтого моря военно-морских баз России (Порт-Артур) и Германии (Циндао) британский Гонконг также считался наиболее мощным центром военно-морского присутствия в регионе.

руководство¹⁷⁸, отношения Японии с Соединенными Штатами будут носить привилегированный характер.

С Францией Япония стремилась поддерживать отношения нейтралитета. Вектор французской дальневосточной экспансии, во многом питаемой стремлением взять реванш за потери в ходе франко-прусской войны, был направлен пока что на далекий и недостаточно интересный для Японии Индокитай, прежде всего на Вьетнам. Кроме того, после крупного, неслыханного в истории колониальных войн поражения, которое французские войска понесли под Ланг-Соном в марте 1885 года, Франция, всецело поглощенная устройством своей власти в конце концов завоеванном Вьетнаме, ограничившись в Китае лишь одной концессией в Гуанчжоу, не считалась серьезной угрозой.

Аналогичным образом, Япония стремилась к поддержанию ровных отношений и с Германией. Опоздавшая к "разделу мира", Германия довольствовалась на Дальнем Востоке относительно скромным торговым присутствием в Китае, и лишь с 1887 года стала располагать военно-морской базой в Циндао. Хорошо сознавая свои ограниченные возможности в дальневосточном регионе, Германия предпочитала по принципиальным вопросам блокироваться с Россией. После резкого ухудшения русско-германских отношений при канцлере Л.фон Каприви в 1890–1894 гг., правительство Вильгельма II (канцлер Б.Бюлов) охотно шло на их нормализацию. При этом на фоне повсеместно продолжающегося несовпадения интересов двух держав в Европе Дальний Восток представлялся тем полем, на котором по-настоящему мог бы состояться германо-русский союз. Увы, по причине нехватки ресурсов Германия мало что могла предложить России в довоенный (до 1904 г.) период, а в силу политических причин воздержалась от военной помощи в активный период русско-японской войны. Лишенная серьезного экономического фундамента и политической опоры, Германия станет следующей после России жертвой японской агрессии.

¹⁷⁸США, "открывшие миру" Японию в 1854 году, в полной мере воспользовались готовностью японского руководства к активному восприятию не только промышленных технологий, но и западной политической культуры. В силу инерции первого положительного опыта, именно американские дипломаты и советники продолжительное время непосредственно участвовали в выработке внешнеполитической линии Японии [130]. В силу уже высказывавшихся соображений автор не склонен, следуя распространенному мнению, винить американцев в "натравливании Японии на Россию", однако роль последних в расстановке негативных для нашей стороны акцентов японской внешней политики представляется более чем очевидной.

Германское присутствие в регионе прекратится уже осенью 1914 года, когда после трехмесячной осады японскими войсками и при поддержке британского флота падет военно-морская база Циндао. К слову, сопротивление русского Порт-Артура в куда более неблагоприятных обстоятельствах продолжалось без малого год.

**Противник
№1**

Но вернемся в 1895 год. Вместо триумфального окончания своей первой “настоящей войны” с Китаем Япония, столкнувшись с демаршем России, Франции и Германии, оказывается перед необходимостью отказаться от аннексии Ляодунского полуострова. Результатом победы, таким образом, становились только прекращение китайского сюзеренитета над Кореей путем обретения последней независимости, а также остров Тайвань с прилегающими к нему крошечными Пескадорскими островами. В Токио прекрасно понимали, что протест трех держав был на самом деле демаршем именно России, в силу интересов европейской политики формально поддержанным Францией и Германией. Поэтому начиная с 1895 года Россия для Японии из гипотетического оппонента становится реальным противником. Начинается тщательная и планомерная подготовка к войне с “северным гигантом”. Практически вся контрибуция в 25.1 млн. фунтов стерлингов, выплачиваемая Японии побежденным Китаем, будет теперь расходоваться на нужды вооружения, прежде всего на строительство на всех свободных верфях мира – от Великобритании, Италии и США до стран Латинской Америки – современных боевых кораблей¹⁷⁹. В 1896 году японским правительством с полного одобрения парламента принимается впечатляющая программа по перевооружению и усилению армии и флота. Нельзя сказать, что в России не знали об этих приготовлениях и не понимали, против кого они направлены. Тем не менее до самого января 1904 года исходящая от Японии опасность признавалась в основном на теоретическом уровне, в реальности же совсем скорого вооруженного противостояния практически никто не допускал.

¹⁷⁹На средства только одной китайской контрибуции возможно было построить не менее 5–7 эскадренных броненосцев – ведущей ударной силы флотов того времени.

**КВЖД:
Дипломатический
экспромт,
ошеломивший мир**

Подобно тому как результаты Первой опиумной войны со всей очевидностью высветили угрозу сибирским владениям России по причине доступности для захвата устья Амура, результаты японо-китайской войны за Корею продемонстрировали все еще достаточную зыбкость недавних территориальных приобретений в Амурской области, Приморье и на Сахалине. Так, в случае установления над Кореей японского контроля, элементарно могло быть ограничено свободное мореплавание по сравнительно узкому Корейскому (Цусимскому) проливу – что немедленно заперло бы русский флот в акватории, прилегающей к Владивостоку, и во внутреннем Охотском море. Учитывая, что в то время все Курильские острова – до самой Камчатки – принадлежали Японии, проход русских военных и коммерческих судов в океан также бы мог, при необходимости и известных усилиях, быть блокирован. В этом случае экономическому закреплению России на Дальнем Востоке наносился бы непоправимый ущерб, ставящий под удар все последние территориальные достижения. Далее, хотя нападение Японии непосредственно на российскую территорию – при наличии под боком богатого и слабого Китая – в обозримой перспективе практически исключалось, реальная угроза могла исходить из возможности пресечения в результате очередной японской агрессии правившей в Китае династии Цин, на договорах с которой держались все русские территориальные приобретения на Дальнем Востоке. В этих условиях основной задачей русской дипломатии в регионе, наряду с попытками сохранить нейтральный статус Кореи, не могла не стать поддержка Китая¹⁸⁰.

Сразу же после завершения основных вопросов, связанных с урегулированием отношений с победившей Японией, глава китайского правительства Ли Хунчжан отправился в европейское турне, первым пунктом которого было участие в торжествах по случаю коронации Николая II. По прибытии Ли Хунчжана в Петербург в апреле 1896 года открылись русско-китайские переговоры, которые, наряду с главой МИДа А.Б.Лобановым-Ростовским, также курировал министр финансов С.Ю.Витте, считавшийся идеологом закрепления России в Китае

¹⁸⁰Необходимо отдать должное и англичанам: в обеих опиумных войнах они также стремились избежать пресечения императорской власти в Китае, в моменты максимального ослабления которой охотно соглашались на заключение мира.

преимущественно через экономические проекты и интересы. Результаты не замедлили сказаться: 22 мая сторонами был заключен договор об оборонительном союзе, направленный против Японии. По настоянию Витте в договоре появилась статья за номером 4, гласившая: "Чтобы облегчить русским сухопутным войскам доступ в угрожаемые пункты и обеспечить их съестными припасами, китайское правительство соглашается на сооружение железнодорожной линии через китайскую Амурскую и Гириинскую провинции, в направлении на Владивосток... Постройка и эксплуатация этой железной дороги будут предоставлены Русско-Китайскому банку¹⁸¹, и статьи контракта, который будет заключен для этой цели, будут надлежащим образом обсуждены китайским посланником в С.-Петербурге и Русско-Китайским банком" [131]. Таким образом, реальностью стала родившаяся точно ко времени идея Витте о реализации в северо-восточном Китае крупного хозяйственного проекта, *de facto* устанавливавшего присутствие в нем России и одновременно позволяющего сократить более чем на 500 верст строящийся железнодорожный путь от Читы до Владивостока. Сооружение железнодорожного пути при этом велось бы куда в более простых ландшафтных условиях – в частности, удавалось избежать сооружения исключительно сложного в техническом плане мостового перехода через Амур в его нижнем течении. Спустя всего три месяца после заключения договора о русско-китайском оборонном союзе, 27 августа в Берлине был подписан контракт на постройку и эксплуатацию русской железной дороги на территории Маньчжурии, которая, по настоянию Ли Хунчжана, была названа *Китайской Восточной железной дорогой* – КВЖД.

Если русско-китайский союзный договор являлся документом, позиционирующим интересы сторон и определяющим их действия в случае гипотетической агрессии, то концессионный контракт на строительство КВЖД предусматривал со стороны Пекина

¹⁸¹Русско-китайский банк был создан в 1895 практически сразу же после окончания японо-китайской войны по инициативе главы Минфина России С.Ю.Витте с целью обеспечения участия русского капитала в поствоенной модернизации Китая, а также в качестве важного рычага влияния в этой стране. В Русско-китайском банке $\frac{3}{8}$ акционерного капитала находилось в руках Петербургского международного банка, возглавляемого близким к Витте А.Ю.Ротштейном, а $\frac{5}{8}$ капитала владел международный банковский синдикат, специализировавшийся на размещении русских займов на французском финансовом рынке. Но, несмотря на формальное преобладание капитала французского происхождения, банк был полностью подконтролен российскому Министерству финансов. Председателем правления банка был назначен считавшийся знатоком Востока князь Э.Э.Ухтомский (1861–1921).

значительные уступки по принципу "уже сегодня". Китайские власти, наученные горькими для себя результатами экономического закрепления англичан в бассейне р.Янцзы и тем, как всего лишь 38 лет назад Россия "явочным порядком" включила в свой состав почти миллион квадратных километров Приамурья и Уссурийского края, пытались до последнего всячески ограничить возможности своего союзника по использованию КВЖД равно как форпоста для предпринимательства, так и для военных нужд. В частности, в контракте на строительство железной дороги особо оговаривался принцип "пломбированного вагона" при перевозке по КВЖД русских войск или товарных грузов. Китайская сторона не позволила КВЖД иметь собственную охрану, которую предполагалось составить из казачьих частей с усилением из регулярной армии; был также отвергнут принцип экстерриториальности поселений, устраиваемых на железной дороге. Китайское правительство получало право спустя 36 лет после начала эксплуатации дороги выкупить ее, в противном случае последняя должна была бесплатно перейти в собственность Китая по истечении 80 лет. Если бы XX век не был столь богат потрясениями, это событие должно было произойти осенью 1983 года¹⁸².

Итак, даже несмотря на безусловную важность для Китая оборонного союза с Россией, наш партнер крайне неохотно соглашался со всем, что имело отношение к КВЖД. Все европейские державы, включая Россию, которые во времена императора Канси не могли рассчитывать даже на пустой протокольный диалог, перед этим формально не признав своей вассальной зависимости от властителя Поднебесной, к концу XIX века успели не один раз "пожиться Китаем", со временем превращая, казалось бы, заурядные торгово-экономические соглашения в основу для своего экономического доминирования и ограничения китайского суверенитета на обширных территориях. В Пекине прекрасно понимали, что деятельность КВЖД не ограничится доставкой в пломбированных вагонах новобранцев во Владивосток, а станет

¹⁸²Несмотря на широко распространенное мнение о том, что Китай в конце XIX века был "несостоятельным государством" – *failed state*, – он, как видим, продолжал оставаться мощным и самостоятельным игроком, опирающимся как на собственные экстенсивные ресурсы, так и на виртуозную игру на противоречиях между европейскими державами и Японией. На коронационных торжествах Николая II, во время исполнения в Большом театре российского гимна "Боже, Царя храни", Ли Хунчжан был единственным из представителей других государств, отказавшимся встать. Даже в такой протокольной мелочи очевидна традиция ранних Цинов, почитавших остальные государства зависимыми от себя.

базой экономической экспансии с возможным, в недалеком будущем, повторением в Маньчжурии модели, уже отработанной на Амуре и в Приморье: "Где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не может". Тем не менее Китай не решился отказаться от предложенной сделки – ведь она была условием предоставления ему русского займа в размере 150 млн. рублей, жизненно необходимого для выплаты контрибуции победившей Японии¹⁸³. На уступчивости Китая в тот момент сказались и обида на Великобританию, которая, получив в 1870–1880-е годы из рук китайского правительства права на экономическое и политическое первенство, своим бездействием в ходе японо-китайской войны фактически поддержала агрессора. Но и в этих обстоятельствах, как видим, согласие Китая на прокладку КВЖД было непростым, о чем говорит даже такой, казалось бы, бюрократический нюанс: концессионером в данном проекте выступала не Россия, а "Общество Китайской Восточной железной дороги", учреждаемое, в свою очередь, формально негосударственным Русско-китайским банком.

Рельсовый путь, который изменит историю К строительству железнодорожной линии через Китай приступили уже следующей весной, в 1897 году. К тому времени железнодорожный путь с запада доходил до Красноярска (январь 1897 г.), быстрыми темпами велись строительные работы на участках от Красноярска до Иркутска (техническое завершение летом 1898 г., открытие движения в январе 1899 г.), а также сооружение Уссурийского участка от Владивостока до Хабаровска (движение будет открыто в ноябре 1897 года).

¹⁸³Практически сразу же после заключения Симоносекского мира с Японией 5 апреля 1895 года, китайское правительство обратилось к банкам Великобритании, Франции и Германии за займом для оплаты контрибуции. Однако в качестве гарантии потенциальные кредиторы потребовали установления международного контроля за финансами Китайской империи. В сложившейся ситуации, благодаря расторопности русского Министерства финансов, жизненно необходимый Китаю заем был предоставлен Россией на несравненно более льготных условиях уже 6 июля 1895 г. Неважно, что основой денежного наполнения этого займа служили французские кредиты самой России – приняв на себя политические риски китайской стороны, наша страна получала в двусторонних отношениях важный внешнеполитический козырь.

В дальнейшем намерение России продолжить участие в "финансовых играх" с Китаем оказалось блокированным. Так, спустя два с половиной года, когда Китаю потребовались деньги на оплату второй части контрибуции, английское правительство, не заинтересованное в дальнейшем усилении влияния России, потребовавшей в качестве условия очередного кредита заключение договора аренды южной части Квантунского полуострова, на сей раз немедленно удовлетворит потребность Китая в деньгах на беспрецедентно льготных условиях займом от 17 февраля 1898 г.

Прокладка ранее намеченного участка Транссиба от забайкальского Сретенска до Хабаровска, проходящего по российской территории, в 1897 году приостанавливается на стадии проектных работ, поскольку теперь строители уходят на юго-восток, основывая на китайской территории, сразу же за пограничной чертой, станцию Маньчжурия. Всего за пять лет по диким, малообжитым пространствам северо-восточного Китая к Владивостоку проляжет однопутная железнодорожная линия протяженностью 2,450 километров, с 92 станциями и 9 туннелями¹⁸⁴, а на правом берегу реки Сунгари в 1898 году будет основан административный центр новой дороги и всей русской колонии – город Харбин. На средства казны в Харбине будут построены механические мастерские и депо общей площадью 600 тыс. квадратных метров, а также 280 тыс. квадратных метров жилья, что позволит сразу же обеспечить каждого сотрудника КВЖД отдельной служебной квартирой. В 1900 году, 18 декабря, в Харбине состоится торжественное освящение деревянного Свято-Никольского собора – который простоят до 1966 года, когда будет сожжен хунвейбинами. Строительство КВЖД обойдется бюджету Российской империи более чем в 375 млн. рублей¹⁸⁵. Движение по новой дороге откроется 1 июля 1903 года: с этого дня любой желающий, купив билет на “Сибирский экспресс”, сможет за 16 суток преодолеть расстояние от столицы до тихоокеанского форпоста России. “Сибирский экспресс” состоял из комфортабельных вагонов первого и второго классов, в которых были “гостиная, фортепиано, ванная комната и небольшая библиотека русской литературы” [132].

Успешный ввод в эксплуатацию КВЖД на время отодвинет на второй план сооружение Амурского участка Транссиба. Лишь русско-японская война, показавшая всю уязвимость коммуникаций, проложенных по чужой территории, заставит в 1908 году возобновить работы на этом недостающем звене. Сквозное движение по Транссибу, полностью прикрытому государственной границей, откроется только в октябре 1916 года.

¹⁸⁴Включая уникальный Хинчанский тоннель протяженностью 3,077 м – самый длинный в то время тоннель в Евразии, – проложенный на высоте 970 метров над уровнем моря.

¹⁸⁵Поскольку сметное планирование строительства КВЖД велось в условиях золотого паритета рубля, имеется возможность с известной точностью оценить его эквивалент. Так, строительство дороги обошлось в 290.34 тонны чистого золота, что на сегодняшний день составляет примерно 3.7 млрд. долларов США (при условной современной цене золота 400 долл. за унцию).

Кроме того, в дополнительное обустройство объектов КВЖД в 1903–1907 гг. будет вложено еще 38 млн. рублей (29.4 тонн золота).

**Вовлечение России
в дела Кореи.
Истоки лесной
концессии.**

Энергичные, целенаправленные и последовательные действия России на Дальнем Востоке в 1896–1898 гг. в условиях растущей японской угрозы быстро приносили позитивные плоды.

Если Китай продолжал к месту и не к месту демонстрировать остатки былой имперской непреклонности, все больше напоминая перезрелую невесту, у которой еще удастся игра на противоречиях между "женихами", то Корея, только что обретшая государственную независимость, сразу же увидела в России единственно реальный противовес японской доминанте. Прологом к русско-корейскому сближению стала в открытую инспирированная и поддержанная Японией кровавая попытка государственного переворота. Тогда, 26 сентября 1895 года, группа корейских радикалов при поддержке армейского корпуса, обученного японскими инструкторами, ворвалась во дворец, где зарубили королеву Мин, ставшую к тому времени символом корейского сопротивления японской экспансии. Сразу же после этого убийства король Кочжон был помещен под домашний арест, где, с целью "соблюдения приличий", его заставили подписать указ о посмертном разводе с убитой королевой, а также ряд актов, намеренно оскорбляющих национальное достоинство корейцев, – в частности, им запрещались традиционные прически. Заговорщики, номинально сохраняя у власти короля, стремились лишить его в глазах подданных какого-либо авторитета, сконцентрировав реальную власть в руках прояпонски настроенного премьер-министра. Политическая ситуация в Корее смогла нормализоваться лишь после того, как Кочжон сумел 10 февраля 1896 года тайно перебраться в здание миссии русского поверенного К.И.Вебера, из которого, под охраной роты русских военных моряков, он осуществлял управление страной на протяжении 364 дней¹⁸⁶. За это время основные силы корейской армии, госаппарата и улица встали на сторону короля. В короткий срок удалось исполнить указ об отстранении и казни премьер-министра с группой прояпонски настроенных высших сановников¹⁸⁷, а из-за

¹⁸⁶Король согласился покинуть русское консульство и вернуться во дворец лишь после того, как под руководством откомандированного в Сеул полковника Д.В.Путятты была завершена реорганизация и переподготовка королевской гвардии.

¹⁸⁷Данный указ исполнили с особым рвением: мятежники были умерщвлены на оживленной улице, а их отрезанные головы несколько дней оставались выставленными на всеобщее обозрение.

разгоревшегося после провала госпереворота международного скандала большая часть японских подданных во главе с послом были отозваны на родину.

Период 1896–1897 гг. стал высшей точкой сближения России и Кореи. Завоевав в результате корректных и честных действий расположение корейских властей, Россия получает возможность самым непосредственным образом влиять на корейскую политику¹⁸⁸ – результат, ради которого двумя годами раньше Япония начала войну с Китаем. Столь дорогой ценой завоеванный на материке “плацдарм” ускользал в руки более удачливого соперника, и это буквально бесило японское общество. В то же время моральный авторитет России в “корейском вопросе” был столь бесспорен, что японское правительство было вынуждено выступить с инициативой заключения с Россией секретного соглашения, оговаривающего права на паритетное военное присутствие в Корее обоих государств в случае возникновения в стране внутренних или внешних осложнений (Московский протокол от 28 мая 1896 года).

Несмотря на впечатляющие успехи, Россия не имела серьезных планов дальнейшего закрепления на Корейском полуострове и в целом не стремилась к таковому. В Санкт-Петербурге не было единства мнений о целесообразности борьбы за страну, считавшуюся естественной зоной интересов Японии, при наличии куда более “свободных” и доступных для русской экспансии территорий в Маньчжурии. Отсюда колоссальные возможности влияния практически не были использованы – за исключением предоставления корейским правительством концессии на эксплуатацию наиболее богатых лесных массивов страны, расположенных в бассейнах пограничных рек Туманган (граница с Россией) и Ялу (граница с Китаем), а также на острове Уллындо, лежащем в Японском море на расстоянии 155 километров от побережья по 37.5° параллели. Держателем концессии стала “Корейская лесная компания”, контрольный пакет акций которой первоначально принадлежал владивостокскому предпринимателю Ю.В.Бриннеру. Концессия, позволяющая осуществлять хозяйственную деятельность на территории общей площадью 19.5 тыс. квадратных километров с расчетными вывозными запасами

¹⁸⁸Здесь необходимо отметить, что эти возможности практически не были реализованы: ни деятельность оперативно учрежденного Русско-корейского банка, ни русского финансового советника при правительстве Кореи не успели выйти за рамки “предпроектной подготовки”.

древесины около 992 миллионов кубических метров¹⁸⁹, и, будучи выданной на целых двадцать лет, была поистине бесценным подношением российской стороне¹⁹⁰. В ценах нынешнего дня, активы корейской лесной концессии оценивались бы суммой в 50 млрд. долларов США – что сопоставимо с современной стоимостью очень крупных нефтяных и газовых месторождений, по сей день остающихся объектами жесткой конкурентной, дипломатической и даже военной борьбы. Впрочем, сто лет назад, когда при дефиците цемента и металлоконструкций деловая древесина являлась основным конструкционным материалом, в интенсивно развивающемся азиатско-тихоокеанском регионе она должна была цениться несравненно выше. А удобство ее заготовки, речного сплава и вывоза морским путем из незамерзающих портов Желтого моря делали проект поистине обреченным на коммерческий успех. Именно вокруг этой концессии, договор на открытие которой был заключен 16 августа 1896 года, завяжется впоследствии один из узлов русско-японского противостояния.

Имела ли Россия права на Маньчжурию?

В отличие от романтического землеискательства прошлых веков, утверждение России на Дальнем Востоке на порубежье XX века основывалось на реальных экономических интересах. Мы уже писали о том, что природным носителем основной части этих интересов должно было выступать предпринимательское сообщество Сибири, на территории которой еще в XVIII веке сложились достаточные предпосылки для капиталистического развития – увы, постоянно сдерживаемого трудностью коммуникаций, ограниченностью рынков сбыта и доступных для промышленного освоения ресурсов, прежде всего свободной рабочей силы. Поэтому в конце XIX века ведущую роль в экономической экспансии России на Дальнем Востоке начинает играть так называемая санкт-петербургская предпринимательская консорция, в силу многих причин не сумевшая в достаточной мере

¹⁸⁹Расчет автора (исходные параметры – общий запас древесины на гектар 84.7 тыс. кубм, коэффициент освоения (вывоза) – 60%).

¹⁹⁰При условии равномерного освоения в течение 20 лет одних только вывозных запасов плотной древесины, объем лесозаготовок на Ялу соответствовал бы 14% производства древесины в России в 1975 году и 52% в 2000 году [133]. Не будем забывать и о том, что корейский лес по товарному качеству превосходил значительную часть собственно российских лесных ресурсов.

реализовать свои интересы в европейской части России и в Закавказье и потому считавшая проникновение в далекий регион одним из наиболее доступных путей для экономического самоутверждения. "Экономическая целесообразность" была очевидна и в мотивациях высшей государственной власти: левый берег Амура, Приморье, а также Маньчжурия с плодородными землями по бассейну реки Сунгари до самого Ляодунского полуострова рассматривались в качестве перспективного места расселения отечественных землепашцев. Да и для других сословий России, население которой увеличивалось стремительными темпами¹⁹¹, потребность в новых, полностью пригодных для проживания и хозяйственного освоения землях не вызывала сомнений.

Сегодня, в эпоху "политкорректности", почему-то считается неудобным открыто говорить о планах присоединения к России северокитайских земель. Однако достаточно взглянуть на карту глазами русского человека XIX века, чтобы убедиться в абсолютной, "природной" целесообразности их вхождения в состав империи: спрямление аргуно-амурской петли государственной границы, создание южного клина, меридионально симметричного туркестанскому, буферизация от английского проникновения в центральных районах Китая, разрешение многовекового крестьянского вопроса. Как писал С.Ю.Витте, "для русских людей пограничный столб, отделяющий их, как европейскую расу, от народов Азии, давно уже перенесен за Байкал – в степи Монголии. Со временем место его будет на конечном пункте Китайской Восточной железной дороги. <Это позволит прекратить такое. – *Авт.*> уродливое и неестественное явление, как эмиграция в Бразилию" [135]. Возможный новый виток российской экспансии в Маньчжурии ни в коей мере не представлялся предосудительным в массовом сознании: в то время все ведущие европейские державы и США энергично расширяли подконтрольные территории. Россия к тому же никогда не отказывалась и от морального права на мировое первенство по площади территории, по которому в 1828 году ее обошла Великобритания.

¹⁹¹В начале XX века Россия имела один из наивысших среди "цивилизованных стран" показатель естественного прироста населения, достигавший 15.6 на 1000 человек населения (1908–1913 гг.). Более высоким показатель естественного прироста был в те годы только в Австралии (15.8). В Германии он составлял 13.0, в Великобритании – 10.8, в США – 11.8, во Франции – 0.9 [134].

В этой связи показательна аналогия с мотивациями экспансии, осуществлявшейся уже в советское время: расширение плацдарма "мировой революции", борьбы за ресурсы, необходимые для военного противостояния и т.д. Отсутствие среди последних мотиваций естественных, связанных с устойчивыми акматическими идеалами обширных социальных групп станет одной из причин утраты постсоветской Россией практически всех земель, присоединенных в XVIII–XX веках.

Однако интерес России к закреплению на Дальнем Востоке на анализируемом нами историческом этапе не был надуманным или инспирированным "горсткой авантюристов", а опирался на объективные интересы широких слоев общества. При этом наличие в нем специфической "предпринимательской" составляющей предопределило участие в процессе его реализации не только внешнеполитического ведомства (МИДа), но также и органа, отвечавшего в то время за экономическое развитие государства, – Министерства финансов.

**“Экономическая
альтернатива”
С.Витте**

Говоря о дальневосточной политике России, совершенно невозможно не коснуться той роли, которую играл в ее разработке и реализации глава финансового ведомства государства, "творец российского финансово-промышленного мира" [136] Сергей Юльевич Витте (1849–1915). Ни в каком другом государственном или общественном деятеле России того времени не персонифицировался столь обширный и многогранный вклад в экономическое развитие страны и повышение ее конкурентоспособности, быструю и продуманную адаптацию мировых стандартов финансовой и управленческой деятельности, обеспечение реальной и всегда работавшей “на опережение” защиты экономических интересов России в различных частях света. Говоря о деятельности Витте на высших государственных постах руководителя департамента железных дорог Министерства финансов (1889–1892 гг.), министра финансов (1893–1903), председателя Кабинета министров (1903–1905 гг.) и Совета министров (1905–1906 гг.), в числе его крупнейших достижений обычно называют денежную реформу, сделавшую российский рубль свободно конвертируемой валютой, введение винной монополии, заключение благоприятного для Портсмутского мира с Японией в 1905 году, а также фактическое авторство знаменитого Манифеста 17 октября 1905 года, вводившего в стране

основные буржуазные свободы и представительные органы – рассчитанные на то, “чтобы царизм мог выиграть время, собраться с силами для разгрома революции” [137]. К заслугам Витте также относится учреждение в России трех технологических институтов, 73 коммерческих училищ и 35 училищ торгового мореплавания [138], создание первого национального информационного агентства (ПТА), реорганизация управления железнодорожным транспортом, значительный рост рентабельности народного хозяйства и удвоение госбюджета. Именно при Витте национальное предпринимательство впервые начало по-настоящему укрепляться на окраинах империи и уверенно перешагнуло ее границы. С целью обеспечения интересов российского бизнеса за рубежом практически при всех посольствах были открыты представительства возглавляемого Витте главного экономического ведомства страны – Минфина, при его участии удавалось заключать – при весьма высоких по отношению к иностранным товарам “покровительственных” таможенных тарифах – выгодные для русского экспорта внешнеторговые соглашения, по его инициативе за рубежом была создана контролируемая Минфином сеть совместных банков, согласованы и открыты десятки концессий и “совместных предприятий”. Никогда еще в России, в том числе в период так называемых “радикальных рыночных реформ” последнего десятилетия XX века, государство не оказывало неспекулятивному частному предпринимательству столь внушительной и многогранной поддержки.

Но основным общественно-политическим результатом деятельности Витте стало – по сути, впервые в русской истории – использование механизмов финансово-экономического закрепления на новых территориях в качестве альтернативы военной силе¹⁹². Буквально сразу же после своего прихода в Минфин Витте создает Особое совещание по торговле с азиатскими государствами, первым серьезным делом которого становится выкуп в государственную собственность иранских концессий и Персидского банка, основанного в свое время Я.С.Поляковым, – с целью, по мысли Витте, содействия “развитию активной торговли русских в

¹⁹²Конечно, русская экспансия никогда не была чисто “военной”. Даже Ермак, отправляясь в свой знаменитый поход на Искер, шел по стопам вятско-пермских купцов и зверопромышленников. Однако до самого конца XIX века полномасштабное экономическое освоение новых земель осуществлялось с использованием военно-силовых методов; весьма часто для закрепления на новых землях элементарно не хватало “человеческого материала”, что приходилось восполнять административным переселением целых казачьих округов или, значительно реже, с помощью немецких колонистов.

Персии, сбыту туда русских фабрикатов, распространению среди персидского населения российских кредитных билетов, а равно вытеснению из Персии английских произведений". С помощью возрожденного в 1902 году на средства Минфина России Учетно-ссудного банка Персии "к нашему южному соседу мощным потоком хлынули российские государственные капиталы. Они шли на займы, концессии на постройку <шоссейных и железных. – *Авт.*> дорог, <портовых сооружений, почтовых учреждений, телеграфных и телефонных линий. – *Авт.*>, чеканку монеты, более привычной персам, чем бумажные британские деньги, и т.д. За четыре-пять лет российские финансы вытеснили британские и установили контроль над финансами Персии" [139]. До начала эксплуатации англичанами знаменитой нефтяной концессии в Мосджеде-Солейман в 1911 году, открывшей миру нефтяные богатства Персидского залива, Россия оставалась для Персии главным внешнеторговым партнером, обеспечивавшим до 57% ее внешнеторгового оборота, основным рынком сбыта сырья и единственной страной, с которой Персия имела активное сальдо платежного баланса – за счет притока русских капиталовложений. О системной важности для Персии "русской собственности", продвинутой усилиями Витте, говорит тот факт, что, несмотря на аннулирование правительством Советской России всех иранских долгов и отказ от собственности в концессиях и совместных проектах (нота НКВД 26 июня 1919 года), по просьбе иранских властей, столкнувшихся с трудностями в управлении ими, в 1921–1922 гг. были воссозданы – только теперь уже с контрольным участием советской стороны – совместные общества "Рупето" и "Восток" (торговля), производственно-торговые "Персхлопок", "Персшелк", "Русперссахар", "Персгазнефть" и др. В сентябре 1923 года на базе бывшего Учетно-ссудного банка в Тегеране был открыт второй "совзагранбанк"¹⁹³ – Русско-Персидский¹⁹⁴.

Однако Иран был лишь прелюдией к грандиозным планам экономического проникновения, реализацию которых Россия могла

¹⁹³Первым "совзагранбанком" следует считать уже упоминавшийся лондонский Московский народный банк, созданный в 1919 году на основе английского филиала кооперативного банка Центросоюза.

¹⁹⁴Важно отметить, что масштабное экономическое присутствие СССР в иранской экономике позволило в годы Второй мировой войны не допустить прогерманской ориентации Ирана. В случае же установления германского контроля над нефтяными поставками из Персидского залива в Великобританию и уничтожения советской нефтедобычи в Баку авиаударами с территории северного Ирана исход войны был бы иным.

осуществить в дальневосточном регионе. Еще в 1860 году, рядом статей знаменитого Пекинского договора, определившего современную границу между Россией и Китаем, для русских купцов было предоставлено право беспошлинной торговли вдоль восточного участка границы, а также право на прямую (без обязательной перепродажи китайским посредникам) поставку своих товаров в Пекин – право, которым на данный момент не располагала ни одна другая страна. Спустя два года Россия получила возможность беспошлинной торговли в Монголии, а с 1881 года, после подписания Петербургского договора, урегулировавшего "илийский кризис"¹⁹⁵, – и право прямого доступа на рынки провинций к северу от Великой стены, а также плотно населенного Тяньцзиня, расположенного всего в 100 километрах от китайской столицы [140]. В 1860-х годах началось активное проникновение в Китай русского "чайного бизнеса", активно приобретающего контроль над китайскими компаниями, занимающимися оптовой торговлей чаем, а в дальнейшем и вкладывавшего средства непосредственно в производство чая, осуществляемого в южных провинциях. Однако все это было лишь подготовкой к по-настоящему грандиозному "проекту века" – строительству железной дороги, открывавшей путь к фундаментальному экономическому закреплению России в Маньчжурии.

Совершенно очевидно, что Витте вынашивал идею КВЖД задолго до ее юридического оформления в русско-китайских договоренностях. Именно он, занимая пост министра финансов, стремясь получить дополнительные козыри в предстоящем торге с

¹⁹⁵Вслед за Петербургским договором о границе на Дальнем Востоке Россия и Китай заключили в 1864 году т.н. Чугачакский протокол о размежевании в Средней Азии. Однако в конце 1860-х – начале 1870-х годов на территории Синьцзяна в результате восстания возник ряд независимых исламистских образований (Джунгарский султанат, Таранчинское ханство, государство Джетышар), отличавшихся крайней агрессивностью (мы уже упоминали про "хобби" кашгарского правителя Хаджи Валихан-тюри строить пирамиды из человеческих черепов). После ряда жестоких вторжений Россия была вынуждена ввести войска в долину р.Или (земли восточнее нынешней Алма-Аты в направлении на Урумчи), заняв, таким образом, часть номинально китайской территории. После подавления восстания и восстановления в Синьцзяне китайской администрации Россия, нуждавшаяся в "буферной полосе" с беспокойными наследниками Джунгарии, не спешила возвращать Китаю Илийский край. Урегулирование "илийской проблемы" завершилось в 1881 году. Россия вернула Илийский край взамен компенсации в 9 млн. рублей, выплачиваемой китайским правительством за потери государственного имущества, и его согласия на удовлетворения исков пострадавших в ходе синьцзянских событий российских подданных. Также были существенно расширены права русской торговли на территории Внутренней Монголии.

Китаем, еще в 1895 году сумел убедить главу МИДа А.Лобанова-Ростовского в необходимости сдерживающего японскую экспансию дипломатического демарша по вопросу Ляодунского полуострова [141]. Да и основные технико-экономические решения будущей железной дороги были проработаны задолго до того, как о ней стало возможным говорить открыто.

Идея Витте о прокладке спрямленного железнодорожного пути к Владивостоку, как бы невзначай получившая отражение в одном из параграфов русско-китайского договора о военном союзе, заключенного 22 мая 1896 года в Петербурге, была абсолютно гениальной как по своевременности своего появления на свет, так и по точности формулировок, не маскирующих будущего, однако и не позволяющих Китаю в текущий момент оспорить естественное право союзной России на реализацию на его территории своих транспортных интересов – за которыми угадывалось и возможное оказание военной помощи в случае новой японской агрессии.

Для России ускоренное доведение линии Транссиба до Тихого океана через Китай сулило колоссальные экономические выгоды: вовлечение неосвоенных земель и их ресурсов в национальный хозяйственный оборот, открытие для русских товаров новых рынков сбыта, обеспечение транспортной альтернативы Суэцкому каналу при евроазиатских перевозках и т.д. Все это должно было привести – по сути, впервые в российской истории – к закреплению на новых землях с использованием преимущественно экономических методов. В своем докладе Александру III от 6 ноября 1892 года Витте предельно четко изложил суть своей "восточной политики": "Насколько <железная> дорога сокращает расстояние Европейской России от азиатского Востока, настолько она увеличивает нашу силу на азиатском Востоке" [142].

Опередивший время

Ни в прежние времена, ни в советскую эпоху Россия и СССР не реализовывали за рубежом столь масштабных и резонансных проектов, какими являлись строительство и эксплуатация Китайской Восточной железной дороги. К сожалению, теряющее органичность акматических идеалов русское общество не было готово ко вступлению в завершающую фазу своего затянувшегося обустройства, которое, желай мы успеха, должно было последовательно и целеустремленно осуществляться на основе общепринятых для того времени методов и средств. Раскол в

обществе проходил не только между классами, но и внутри, казалось бы, внешне монолитной "буржуазно-бюрократической" элиты. Различия в целеполагании, в темпераменте и энергетике движения, в готовности жертвовать и уступать были слишком велики, чтобы быть интегрированными в какой-либо одной инициативе. "Маньчжурский проект" не мог и не сумел стать объединяющим началом и прологом к новой эпохе.

Столь же противоречивой, как русское общество той трагической поры, была и личность капитана нового курса – Сергея Юльевича Витте. Потомок перешедшего на русскую службу голландского дворянина по отцу и старинного княжеского рода Долгоруких по матери, окончив Новороссийский университет¹⁹⁶ с золотой медалью, он начал трудовой путь в 1870 году конторщиком при весах на железнодорожной станции. Спустя 7 лет, находясь уже в должности начальника движения Одесской железной дороги, Витте не только превратил ее в одну из самых рентабельных в стране, но и в первый год Балканской войны буквально спас от разгрома захлебнувшееся русское наступление под Плевной: именно он, в нарушение всех инструкций, на собственный риск распорядился отправлять воинские эшелоны по однопутной дороге с интервалами в 15–20 минут, не дожидаясь часами телеграфного разрешения со следующего разъезда, а также впервые в России организовал сменную работу машинистов, заставив паровозы находиться в движении практически круглые сутки.

В личности Витте сочеталось несочетаемое: воспитанный в патриархальных традициях южнорусского дворянства, с молоком матери впитавший в себя "ультрарусский дух и культ самодержавного монархизма" [143], в своей профессиональной сфере, связанной с решением вопросов экономического развития, он был убежденным "либералом", с воодушевлением борющимся с пережитками феодальной системы и адаптирующим на российской почве западные финансовые технологии, модели экономического роста и управления. Опираясь на теоретические воззрения немецкого экономиста Ф.Листа (1789–1846) и своих предшественников на постах рулевых русской экономики Н.Х.Бунге (1823–1895) и И.А.Вышнеградского (1830–1895), Витте уже к началу 1890-х годов располагал полноценной системной моделью экономического развития России. Ее суть состояла в обеспечении свободного конкурентного развития производительных сил в

¹⁹⁶Новороссийский университет располагался в Одессе.

условиях "покровительственного" государственного вмешательства: тарифной защиты внутреннего рынка, содействия сбыту на внутреннем и зарубежных рынках, бюджетного гарантирования рисков, включая выкуп в казну, при реализации принципиально важных инвестиционных проектов и т.д. Витте не страдал от отсутствия самокритичности и умел учиться на собственных ошибках. Так, в первые годы своего пребывания на посту министра финансов Витте пытался решить проблему пополнения бюджета за счет элементарной эмиссии кредитных билетов, рассчитывая, что стимулируемый тем самым рост экономики поглотит избыточную денежную массу. Однако, быстро уяснив практическую нереализуемость подобной модели, он сконцентрировал свои усилия на обеспечении и поддержании конвертируемости "золотого" рубля¹⁹⁷. Действительно, приток в страну, располагающую твердой валютой, инвестиций извне позволял решать задачи финансирования ее развития куда эффективнее, чем путем необеспеченной кредитной эмиссии. Но от укрепления рубля пострадали интересы поземельного дворянства, привыкшего, выручая за экспорт хлеба твердую валюту, расплачиваться с крестьянами неконвертируемыми ассигнациями. И Витте,

¹⁹⁷Введение в России "золотого паритета" денежного обращения взамен исторически существовавшей условной привязки ассигнаций к серебру стало возможным после перехода к (i) бездефицитному бюджету, (ii) накоплению значительного запаса золота (при предшественниках С.Ю.Витте Бунге и Вышеградском казенный золотой запас составлял соответственно 367 и 642 млн. золотых рублей (1886 и 1892 гг.), (iii) значительной активизации русского экспорта и (iv) реструктуризации в 1894 и 1896 гг. основных внешних заимствований с установлением процентной ставки менее 5% годовых. Благодаря этим мерам, позволившим стабилизировать национальное денежное обращение, с 29 августа 1897 года был введен свободный обмен кредитных билетов на золотые монеты – империалы (1 империал твердо соответствовал 15 рублям и содержал 11.6135 граммов чистого золота. Эмиссионная деятельность Государственного банка была ограничена лимитом необеспеченного золотом выпуска не более 300 миллионов рублей [144, 145]. Процент покрытия кредитных билетов золотом в период с 1897 по 1914 гг. колебался от 101% до 156% (в среднем 120.7%) и лишь дважды – в 1906 и 1907 гг. опускался до 76% и 99%. Фактически, по своей сути новые бумажные деньги были не банкнотами, а сертификатами на мерное золото [143*]. Вся денежная масса России, включая безналичный оборот и медную разменную монету, в 1905–1911 гг. имела второй после Англии показатель золотого обеспечения 81.5% (против 106.8% в Англии, 79.3% во Франции, 42.9% в Германии и 64.9% в Австро-Венгрии) [146]. Реформа денежного обращения, начатая Бунге и Вышеградским и завершенная Витте, позволила укрепить конвертируемость русской валюты на мировых рынках и обеспечить заметный приток в страну иностранных инвестиций. Ее единственным системным недостатком – да и то по меркам нашего времени – можно считать крупнейший в Европе колоссальный золотой запас (к 1914 году достигавший 1695 млрд. рублей, или 49.6% годового бюджета страны), который Государственный банк не имел возможности "пускать в оборот".

прирожденный сторонник патриархально-попечительского аграрного уклада, вдруг в одночасье становится изгоем в глазах тех сил, которые он всегда полагал своими союзниками. Его позиция по аграрному вопросу начинает быстро эволюционировать, и в 1904 году он уже выступает с предложениями по ограничению "уравнительной роли крестьянской общины" и форсированному развитию в сельской местности товарно-денежных отношений, в рамках которых на место общины должны прийти кооперативные организации [147]. В последующем именно эти идеи лягут в основу знаменитой аграрной реформы П.А.Столыпина.

Как писал о Витте лидер партии конституционных демократов П.Н.Миллюков, "он стоял головой выше той правящей верхушки, сквозь которую ему приходилось пробивать свой собственный путь к действию" [148]. Витте так до конца не будет принят столичной политической элитой: несмотря на его высочайшую образованность и живой ум, неаристократичные манеры, характерный южнороссийский акцент и несовершенство в иностранных языках первого министра России будут постоянно служить поводами для насмешек и анекдотов. Не сходя со своих консервативных моральных принципов, он дважды женится на разведенных, причем свою вторую жену Матильду Лисаневич ему приходится буквально "отбивать", прибегая к шантажу супруга и уплате ему отступных. Понятно, что с подобным багажом – особенно после смерти Александра III, прикрывавшего Витте личным покровительством, – ни о какой политической поддержке со стороны консервативных сил речи быть не могло. На Витте будет совершено два покушения: одно Союзом русского народа, другое – леворадикальными революционерами.

Короткое время Витте купается в лучах славы у либеральной общественности, однако проявленные им решительность и беспощадность в подавлении революционных выступлений 1905–1907 гг. выбили из-под его ног последнюю политическую опору. Даже блистательно проведенные переговоры по заключению мира с Японией в 1905 году не улучшили положения Витте, и в апреле 1906 года он был вынужден покинуть пост главы Совета министров. Оказавшись в отставке, Витте разворачивает активную печатную полемику по обстоятельствам, приведшим к русско-японской войне, пытаясь оправдать свою экономическую политику на Дальнем Востоке, не прекращая попыток вернуться во власть. По слухам, для этого он даже пытался воспользоваться лоббистскими услугами Григория Распутина – однако "старец", почувствовав явную

антипатию к отставному премьеру со стороны императорской семьи, быстро отказался от выполнения заказа. В 1912 году вышли в свет три тома "Воспоминаний" Витте – по сей день считающиеся одним из наиболее ценных источников по истории России той эпохи. В феврале 1915 году Витте заболел простудой, и в неполные 66 лет скоропостижно скончался от осложнения, распространившегося на мозг. Свой последний земной приют С.Ю.Витте обретет в некрополе Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге, по соседству с могилами М.А.Глинки, В.А.Жуковского и Ф.М.Достоевского.

Трагедия первого русского премьера, отца "экономического чуда" и автора, пусть часто сольного, беспрецедентных по размаху и значению экономических проектов, направленных на безусловное утверждение интересов России в мире, состояла в том, что за отмеренный ему на политическом Олимпе срок он слишком опередил свое время. Помимо банальных неприятия и зависти, типичных для любого бюрократического окружения, проекты Витте часто оставались не понятыми даже теми, ради кого они замышлялись. Лучший пример тому – экономическая экспансия России на Дальнем Востоке. Сибирская предпринимательская консорция, которая должна бы была стать ее основным интересантом, не сумела за столь короткий и насыщенный событиями период времени осознать новые возможности и учредить хотя бы минимальную поддержку для того, кто их открывал. Эти возможности, за неимением претендентов, попытались перехватить представители столичных предпринимательских кругов, действия которых во многом были мотивированы стремлением к реваншу за упущенную удачу в Центральной России и рудиментами военно-феодалного акматического идеала "блистательных побед". Данная коллизия как в зеркале отразилась в истории со знаменитой лесной концессией в Корее: первоначально приобретший ее владивостокский купец Ю.В.Бриннер не нашел средств для самостоятельного освоения; вскоре концессия, с подачи Великого князя Александра Михайловича, была продана группе известных лиц, имевших намерение через деятельность формально коммерческого предприятия добиваться в регионе военно-политических целей. Образно выражаясь, на глазах у идеолога мирной экономической экспансии – С.Ю.Витте – и при его обреченном противодействии Дальний Восток передавался из рук, которые могли, но не имели возможности работать по его обустройству, в руки тех, для кого на первом плане оставалась вошедшая за многие века в плоть и кровь абстрактная имперскость.

В свое время лидер Конституционно-демократической партии России П.Б.Струве напишет, что противостоявшие дальневосточной политике Витте круги “открывали Дальний Восток не для России, а для иностранцев” [149]. В этом суждении нет парадокса, ибо по стопам даже самых искренних патриотов, обрекших себя на поражение, всегда идут их противники.

Нарушение естественного хода событий, чрезмерная активизация военно-политических элементов экспансии до момента достаточного хозяйственного закрепления России в Маньчжурии самым неблагоприятным образом сдвинут сроки неизбежной русско-японской схватки и вынудят Россию вступить в войну не подготовленной ни в военном, ни в моральном отношении. А природное, исходящее из глубин воли народа стремление к обустройству на новых, сулящих достаток и достойную жизнь землях обернется стремительной утратой органичности мироощущения, ставшим прологом к потрясениям первой русской революции.

Однако ценность истории – не только в закономерностях, но и в живой цепи событий, явлений, людских судеб и страстей. Предшествовавшие русско-японской войне годы с 1897-го по 1903-й оказались на редкость богаты ими, рельефно высветив как слабости, ошибки, пороки, так и силу, грамотный расчет, тактическую ловкость и человеческое благородство тех, кого противная сторона в унисон почти со всем остальным миром предпочитала именовать “русскими колонизаторами”.